

О.Б. Степанова

ЭТНОГРАФИЯ В БИОГРАФИИ: ОБ ОДНОМ ГЕРОЕ БЫТОВЫХ РАССКАЗОВ СЕЛЬКУПОВ

Из года в год, приезжая с рабочим визитом к селькупам верхнего Таза, в села Толька и Ратта, я слышала от разных селькупов рассказы об одном и том же человеке, ныне здравствующем их соседе и не селькупе. Поначалу я не записывала эти истории, мне казалось, что к моей теме они отношения не имеют, о чем впоследствии пожалела, поскольку на поверку они оказались очень этнографичными и содержали интересную информацию о селькупах. В основе всех рассказов лежат элементы, вызывающие удивление и восхищение. Т.е. жизнь и поступки этого человека были удивительны и восхитительны для селькупов, и из этого рождались рассказы. В 2016 г. у сына героя всех этих историй мной была записана его биография.

Данная публикация основана на методе научного исследования, у истоков которого, в числе других ученых, стоит мой учитель, Е.А. Алексеенко [2007], названный «этнография в биографии», когда через биографию человека, транслируемую в жанре бытовых рассказов, раскрываются картины жизни народа, определяются черты национального характера, т.е. выявляется информация этнографического порядка. Причем, как оказалось, для данного метода не имеет значения, одной национальности биографируемый и те, чья культура через его биографию раскрывается, или разных.

Полное имя героя всех этих рассказов — Гасанов Мовсун Мовсыджаб оглы. По-простому, Миша Гасанов или Миша Киккиаковский. Биографию отца рассказал мне его сын Магомед. Его рассказ я приравниваю ко всем другим рассказам. Почему — станет ясно позже.

Михаил Гасанов оказался в числе переселенцев на Север в позднее советское время, это была самая мощная волна освоения Севера, которая, значительно ослабев, откатилась в обратном направлении в 1990-е годы. До сих пор я считала, что в числе

переселенцев этой волны были лишь специалисты геологоразведочных экспедиций, но оказалось, что это не так.

Вот как говорит об этом Магомед: «Отец приехал на Север, в Салехард, в 1982 г. Тогда многие из Азербайджана уезжали на Север на заработки. В Салехарде он работал трактористом, разно-рабочим, кем только не работал. Специальности у него никакой не было. Там он познакомился с одним трактористом, азербайджанцем, Джамал его звали, тот привез его сюда» [ПМА, 2016].

«Сюда» — это в селькупское село Кикки-Акки, которое располагалось на Тазу, между селами Толька и Ратта. С 1930-х годов по 1960-е здесь находились магазин, фельдшерско-акушерский пункт, отделение связи, начальная школа, красный уголок с библиотекой, был свой колхоз (в начале 1940-х — колхоз им. М.И. Калинина, впоследствии совхоз «Толькинский», к нему относились и Кикки-Акки) и звероферма. В 1985 г. в Кикки-Акки перегнали совхозное оленьё стадо № 3, к этому времени в нем было около 500 оленей. Максимум численности населения села пришелся на 1960–1970-е годы, насколько известно, оно достигало 200 чел. Потом началась политика закрытия бесперспективных сел, в число которых попали и Кикки Акки. Однако закрыли его лишь в середине 1990-х, переселив жителей в Тольку. Впоследствии население появлялось в Кикки-Акках лишь сезонно. С 2009 г. Кикки-Акки превратили в факторию, и место вновь стало обрастать жителями.

Рассказывает Магомед: «В Кикки-Акках отец устроился товароведом-заготовителем в рыбокооповский магазин. Познакомился с мамой, женился. Мать, Каргачева Фаина Гавриловна, местная, из Кикки-Акки. Стал продавцом в рыбокоопе, потом главой села. В Тольке был Захаров такой, он его поставил. В 1986 г. родился я, в том же году он женился на маме. Пока нам не дали новый дом, жили в материнском домике. Он совсем маленький был, избушка с одной комнатушкой» [ПМА, 2016].

То же самое рассказывают другие информанты: «В 1990-х в Кикки-Акках жило две-три семьи. Был рыбокооповский магазин. Миша Гасанов в начале 1980-х приехал. Работал в этом магазине продавцом. Он женился на селькупке Фаине. У нее дед Полковником был, прозвище такое, так как когда-то был милиционером» [ПМА, 2016]. Интересно, что в 2012 г., работая в Кикки-Акках,

я записала фольклорный текст с мотивами волшебной сказки про этого самого Полковника [Степанова 2014: 130].

Почему рассказы сына об отце я отнесла к селькупским рассказам? Его сын уже в значительной степени — продукт селькупской среды. Жена Михаила Гасанова и мать его детей — селькупка, и среда, в которой они росли, — тоже селькупская. И Магомед сам это подтверждает: «Отец охотился для себя, хоть это не главное его занятие было. В те годы вокруг Кикки-Акк селькупы в чумах жили, оленей держали. Сейчас все избушки себе построили. Когда я ездил с родителями по грибы, на охоту, мы ночевали в чуме. В основном мама любила чум ставить. Грибы мы жарили, варили и кушали свежесобранными, а заготовливала — сушила и нам отдавала — тетка» [ПМА, 2016].

Главным занятием отца Магомеда, судя по селькупским рассказам, было разведение свиней. По крайней мере, большая часть рассказов — именно об этом. Вот как рассказывает об этом Магомед: «Потом отец стал разводить свиней. Привез сразу несколько свиней. У нас еще катер был, он стал на нем возить свиней. Покупал в Тольке, у частников — у Гали Золушки, которая на свиноферме работала, и возил в Кикки-Акки. Максимальное количество было 160 голов. Это в 1994–1995-м годах было. Я уехал из Кикки-Акк в Тольку в 1993-м в школу учиться, жил у тети. Население Кикки-Акк тогда уже было небольшое, домов десять было занято. ФАП был свой, фельдшер, библиотека. Приезжали киномеханики, крутили кино. Отец коров держал, из-за молока. Коз здесь купил, но их собаки задрали, лисиц держал. Уток, кур держали. Еще отец выращивал картошку, нанимал рабочих, чтобы помогали, продавал. Кроме картошки, на огороде выращивал морковь, редиску. Закупал у населения рыбу и ягоды и продавал в Тольке.

4–5 брошенных домов он переоборудовал под свинарники. Зимой свиньи были там. Отапливались свинарники печками. Кормил свиней сваренным комбикормом с добавлением рыбы, которую сдавало население. Катер был у отца дизельный — самоходка, с двумя большими трюмами. Отец в нем свиней возил, поэтому он проржавел. У свиней едкая моча, дно и прогнило. Он сейчас здесь, в Тольке, на берегу стоит, дети в нем играли много лет, все приборы поразбивали. Нет смысла его чинить.

Свиньи гуляли по лесу, не считали их особо. Бывало, медведь задирал. Свинина селькупам без надобности, у них другого мяса хватает. Сбывал в Тольку русским» [ПМА, 2016].

Об этих самых свиньях, повторю, и было услышано мной больше всего рассказов. Селькупов и неселькупов — местных жителей и приезжих — одинаково удивлял и забавлял способ содержания Гасановым свиней. В методе этом (отчасти) было что-то перенятое из селькупского оленеводства.

Приведу здесь лишь один, самый яркий, рассказ другого информанта, потому что все остальные рассказы, в общем-то, ему подобны. «Потом, в 1990-х, Миша Гасанов развел поросят. Там был старенький домик, где никто не жил. Принадлежал родственникам его жены. Сначала было несколько штук свиней, потом развел больше. Свиньи были на вольном выпасе, как олени — по лесу гуляли, по пустым избушкам бродили. Он им кашу варил из комбикорма (запаривал), рыбу добавлял, грибы. Рыбу и грибы ему сдавали, он рыбоприемщиком был. В лесу свиньи грибы ели, от солнца прятались. От мошки и комаров они по старым домам прятались. В рынду бил: со всех сторон свиньи бегут на обед, из избушек, из леса. Маленькие больших обгоняют. Гул стоял, как танки едут. Бегут, топочут. В корыто нальет. Было их штук 40.

Однажды свиноматку медведь задрал, у самого поселка, она должна была вот-вот родить. Миша сказал селькупам, что ящик водки ставит тому, кто медведя этого убьет. Убить не смогли, он прятался за дерево. Так тушу свиную и доела — это медведица была.

Еще случай был. Один охотник в 4–5 км от поселка к охотничьей избе подходил. Слышит храп. Думал, человек. Заглядывает, ружье взял. Видит — три поросенка там спят и храпят. А Миша думал, что они погибли давно.

Свинарник он утеплил — глиной обмазал. Два домика пустых занял под свинарник. В одном старых свиней держал, в другом поросят.

Зимой его свиньи по оленьей дороге бегали до ближайшего от поселка стойбища. Селькупы его свиней в лесу не стреляли. Знали, что Миша им не спустит. Он им в долг не даст.

Летом он 5–6 поросят забьет, отвезет в Тольку, в интернат. На лодке. Зимой по зимнику. Бывало, замороженное мясо везет» [ПМА, 2016].

Домики Гасанова в Кикки-Акках, обмазанные глиной, я видела, там их любой житель охотно показывает, не преминув при этом сказать: «Свиньи его дикими были, бродили по окрестным лесам и сами корм себе добывали»; «Маленькие такие свиньи были, поджарые, дикие».

Эти рассказы затрагивают такую необычную тему, как свиноводство у селькупов. С одной стороны, как сказал Магомед, «свинина селькупам без надобности, у них другого мяса хватает», с другой — М. Гасанов свиней для разведения покупал у селькупов. Упомянутая выше Галя Золушка — это Галина Владимировна Баякина, селькупка и очень милая женщина, моя знакомая. Мне также говорили, что «многие селькупские семьи свиней тогда держали».

Селькупское свиноводство объясняется очень просто. Речь идет о периоде экономического кризиса 1990-х годов. Тогда каждый выживал, как мог, и селькупы, и азербайджанцы. Напомню, что свиноводство не характерно и для азербайджанцев. И Галина Баякина свиней уже давно не держит.

В середине 1990-х годов Гасановы переехали в Тольку. Опять приведу слова Магомеда: «В 1994 г. сестра пошла в школу, и где-то в 1996 г. мы переехали в Тольку, нам дали квартиру. Квартира оказалась очень холодной, родители продали ее и купили квартиру в Сейсме (район с. Толька, построенный геологоразведочной экспедицией в 1980-х годах. — *О.С.*), с огородом. Тоже там картошку выращивали. Кур в Тольке в балке держали, обогреватель туда ставили. И свиней тоже держали» [ПМА, 2016].

Дети Гасановых ходили в толькинскую школу, с чем связана еще одна часто рассказываемая история. Собственно не история даже, а часто упоминаемый парадоксальный факт. Вот как говорит об этом один из информантов: «У Миши дети есть — три сына и дочь. Селькупами были записаны. Магомед, Муслим, Миша и девочка, не помню имя. Сидели такие за партами четыре селькупских ребенка по фамилии Гасановы. Сейчас они все взрослые, своих детей имеют» [ПМА, 2016].

Всем детям Михаил Гасанов дал высшее образование, и все они вернулись в Тольку. Вот как рассказывает об этом Магомед: «Я закончил университет им. Герцена в Санкт-Петербурге, сначала учился на факультете ОБЖ, потом перевелся на культурологию на факультете народов Севера. Сестра, Татьяна, закончила там же факультет народов Севера по специальности преподаватель русского языка и литературы, работает в Тольке в детском саду. Брат закончил Полярную академию по специальности административное управление, работает в Ямалэнерго инженером, другой брат учится в Тюмени в нефтегазовом. Все вернулись в Тольку» [ПМА, 2016].

Семья Гасановых сохранила связи со своими азербайджанскими родственниками. Магомеда отправляли к отцовской родне на год, и один раз ездили в Азербайджан всей семьей. Однако эти поездки лишь подчеркнули, что и дети Михаила Гасанова, и сам он крепко связаны с Севером. Снова приведу рассказ Магомеда: «В 1994 г. я поехал в Азербайджан после первого класса, только на каникулы, а прожил там год. Приехал дядя, брат отца, в гости, посмотреть, поехал к нам в Кикки-Акки и уговорил родителей, чтобы те меня отправили в Азербайджан. Родственники жили в Гяндже. Там тоже квартира была в пятиэтажном доме, своего хозяйства не было. С тетками ходил пару раз в горы, в родное село дяди. Село Хатынжа называется, там бабушка была, там же жили когда-то прабабушка и прадедушка. Учился я в Азербайджане в русской школе: две школы рядышком стояли, одна азербайджанская была, другая для метисов, в ней всего один русский был, но называлась она русской. Там на русском преподавание велось, турецкий еще преподавали. Азербайджанский язык я выучил, свободно говорил. Хотя там на русском все понимали. Когда вернулся в Россию, в 1995 г., забыл его быстро, на радостях, наверное, я очень рвался домой. В Азербайджане во дворе всегда с мальчишками выбирал соперника и боролся. А здесь не борются, а дерутся. В интернате раньше селькупы с русскими всегда конфликтовали. Сейчас такого нет, живут дружно. Брат двоюродный меня назвал Магас, это мое прозвище.

В 2002 г. мы ездили в Азербайджан всей семьей, но забыли свидетельство о рождении младшего брата. Высадили нас в Да-

гестане, там мы сняли квартиру. Прожили два месяца, пока отец ездил за документом. Потом в Азербайджане пробыли две недели, ездили по родне. В родном доме отца пробыли лишь один день» [ПМА, 2016].

К той же мысли — о глубоком вращении М. Гасанова в реалии северной жизни — относятся следующие слова Магомеда: «Азербайджанское землячество в Тольке есть, общаются, ходят в гости, точно есть пять семей. Все приехали позже. Мамед есть один, приехал в одно время с отцом. Мечети в Тольке нет. Наша семья не религиозна, Навруз не отмечаем. Есть в Тольке азербайджанские семьи, которые свинину не едят, а наша семья ест. Отец по праздникам делает шашлык и продает, часто себе в убыток, всех знакомых просто так угощает» [ПМА, 2016].

Из последней фразы Магомеда о работе отца себе в убыток и его душевной щедрости выделяется еще один мотив селькупских рассказов о Михаиле Гасанове, в котором тот предстает спасителем селькупов, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, заслужившим своей добротой их искреннюю благодарность. Магомед говорит: «У отца в Тольке магазины. Один магазин у него всегда был: это сарай, а в нем и склад, и магазин. Отец всем дает в долг, долги часто не отдают. Пенсионеры пишут доверенность, и он распоряжается их деньгами. Никогда никого не обманул, он очень честный» [ПМА, 2016].

А вот подтверждающий эту характеристику М. Гасанова рассказ другого стороннего информанта: «Неженец (бывший директор совхоза «Толькинский». — *О.С.*) селькупам 10 % платил. Его жена в сберкассе работала, селькупам деньги со сберкнижек выдавала. Запрашиваешь одну сумму, а она выдает в 10 раз меньше, говорит: «А ты должен». Всю жизнь работали, денег на руках не видели. Булкой хлеба выдавал. Рабами были. «Ты должна», — говорил. Обманывал всюду. Табеля закрывал так, что всегда должны были.

Гасанова Мишей звали, Мишей Киккиакковским. Он нас спасал, продукты давал. Приходишь к его сараю, а там одни селькупы рядом сидят, стоят — его ждут. Раньше свиней в колхозе падеж был, нам бесплатно отдавали. Мы взяли две свиньи, одна из них свиноматка. От нее каждый год приплод был — 10 поросят. Мише

за так отдавали, из благодарности. Мы первые свиной держали, ни у кого больше не было. Неженец в 1986 г. уже был, а ушел где-то в 2003–2004» [ПМА, 2016].

Итак, селькупские рассказы о Михаиле Гасанове содержат много этнографической информации. Из рассказов можно составить представление о том, как последняя советская миграционная волна на Север смешивалась с коренным населением, и убедиться, что Север притягивает к себе людей и держит очень крепко. Рассказы описывают облик пустеющего селькупского села Кикки-Акки в первой половине 1990-х годов. Из них мы узнаем о жизни в селе Толька, о толькинской школе-интернате и отношениях ее воспитанников. Истории повествуют о бедности, тяготах жизни и способах выживания селькупов в период кризиса 1990-х годов, а также вскрывают очень неприглядные факты о совхозе «Толькинский» и его прошлом директоре. Рассказы позволяют прояснить отношение селькупов к свиноводству. И, конечно же, все истории заставляют обратить внимание, что представления о человечности и уважении к ближнему своему у всех народов одинаковые.

Источники

Полевые материалы автора — ПМА, 2016. Материалы экспедиционной поездки н.с. отдела Сибири МАЭ РАН О.Б. Степановой в Красноселькупский район Тюменской области в марте 2016 г.

Библиография

Алексеев Е.А. Биографический подход как один из методов полевой работы (по материалам 1980–1990-х гг.) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб., 2007. С. 232–235.

Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии 2014. № 2 (5). Тюмень, 2014. С. 124–131.